

О.В. Сулемина, Ю.С. Попова, С.А. Скуридина
O.V. Sulemina, Ju.S. Popova, S.A. Skuridina

**ХРИСТИАНСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
 ТРАДИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ «РОЖДЕСТВЕНСКОГО РАССКАЗА»)**

**CHRISTIAN ALLUSIONS IN RUSSIAN LITERATURE TRADITION
 (BASED ON THE "CHRISTMAS STORY")**

Данная статья посвящена анализу рассказа Антона Павловича Чехова «Страх» в контексте отсылок к христианской традиции. Сам автор назвал свой рассказ «рождественским», что вызывает у исследователей закономерные вопросы. Комплекс характеристик, значимых для «рождественской словесности», мало применим к этому тексту. Исследователи сходятся во мнении, что в отношении рассказа к данной категории определяющим был мотив страха. Несомненно, это справедливо и неоднократно доказано. Однако мы считаем, что, наряду со страшным (которое ближе к «святочному» тексту), в рассказе встречается множество христианских аллюзий, создающих особую атмосферу, характерную для Рождества и связанного с ним культурного поля. Это христианская мифология (в именах, числах), мотивы мученичества, терпения, милости, покаяния, вера и ее отсутствие. Мы не видим в рассказе рождественского чуда, но ощущаем его призрачную возможность. Страх перед бессмысленностью жизни, сопровождающий главного героя и передающийся рассказчику, противопоставлен смирению Гаврилы Северова. Здесь скрыто сравниваются вера и рационалистический «научный» взгляд на жизнь. Оказывается, что человек, опустившийся и потерявший уважение в обществе, осознает себя частью мира и видит в своих страданиях волю Бога, которому готов ответить за свои грехи. А представители дворянской молодежи, за которыми будущее, не понимают смысла не только своей жизни, но и всего, что происходит в мире. Показателен пример Силина с букашкой, с которой он себя сравнивает. Герой боится всего мира и самого себя, не ощущает своей значимости и возможности что-либо изменить. Однако страх героя – это не только отрицательное начало. С нашей точки зрения, это показатель его своеобразного пробуждения от правильности «кажущегося» общества. Он понимает, что живет неправильно (хотя внешне он успешен), но не видит другого пути для своей души. А Гаврила Северов, внешне потерявший уважение общества, принимает свой путь и спокойно следует ему, осознавая перспективу отвечать перед Богом.

Ключевые слова: *страх, «рождественский рассказ», А.П. Чехов, христианская мифология.*

This article is devoted to the analysis of A.P. Chekhov's short story "Fear" in the context of references to the Christian tradition. The author himself called his story "Christmas", which raises legitimate questions for the researchers. The complex of characteristics significant for the "Christmas literature" is of little use to this text.

Researchers agree that the motive of fear was the determining factor in assigning the story to this category. Undoubtedly, this is true and has been proven repeatedly. However we believe that along with the fear (which is closer to the "Yuletide" text), there are many Christian allusions in the story that create a special atmosphere characteristic of Christmas and the cultural field associated with it. These are Christian mythology (in names, numbers), the motives of martyrdom, patience, mercy, repentance, faith and its absence. We do not see a Christmas miracle in the story, but we feel its ghostly possibility. The fear of the meaninglessness of life, accompanying the main character and transmitted to the narrator, is contrasted with the humility of Gavriila Severov. Here faith and a rationalistic "scientific" view of life are secretly compared. It turns out that a person who has fallen and lost respect in society realizes that he is part of the world and sees in his suffering the will of God, to whom he is ready to answer for his sins. And the representatives of the noble youth, who have the future, do not understand the meaning not only of their lives, but also of everything that happens in the world. The example of Silin and a bug, with which he compares himself, is indicative. The hero is afraid of the whole world and himself, does not feel his importance and the ability to change anything. However, the fear of the hero is not only a negative beginning. From our point of view, this is an indicator of his peculiar awakening from the correctness of the «seeming» society. He understands that he is living incorrectly (although outwardly he is successful), but he does not see another way for his soul. And Gavriila Severov, who has outwardly lost the respect of society, accepts his path and calmly follows it, realizing the prospect of answering to God.

Key words: fear, "Christmas story", A.P. Chekhov, Christian mythology.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-75-80

Многие рассказы А.П. Чехова воспроизводят различные эмоции и психологические состояния человека («Скучная история», «Спать хочется», «Черный монах» и др.), в частности, страх («Страх», «Страхи»), который в художественной реальности писателя скорее обыденное явление, нежели исключительное [12]. Герои Чехова, по верному замечанию В.Я. Линкова, отчуждены от жизни, что и вызывает ощущения потерянности, страха. И рассказ «Страх» – это «выражение своего рода квинтэссенции мыслей и настроений отчужденного человека, вкрапленных в рассеянном виде почти во всех вещах А.П. Чехова» [7, 78]. «Психологию страха Чехов исследовал чрезвычайно подробно, как, быть может, никто другой ни в нашей, ни в мировой литературе», – соглашается М.П. Громов [2, 384].

С нашей точки зрения, рассказ «Страх» – это не только изображение отчужденности и художественное исследование страшного, но и текст, наполненный христианскими аллюзиями, которые расширяют пространство смыслов и завуалировано поднимают вопросы веры и рационализма, потери нравственных идеалов и вследствие этого своеобразной имитации жизни. Уже из названия понятно, что основной темой в рассказе будет страх в различных его проявлениях. Отметим сразу, что, несмотря на летний хронотоп, рассказ был отнесен самим Чеховым в письме к Н.М. Ежову [13] к «рождественским» и опубликован 25 декабря 1892 года в газете «Новое время». В том же письме обнаруживаем поздравления с праздником и указание на то, что автор свой рассказ «выматывал из души» [13]. Как справедливо указывает в своей статье Н.В. Капустин, в то время была широко распространена «рождественская» и «святочная» словесность, которая обладала определенными мотивными, сюжетными, хронотопическими характеристиками [5]. Рассказ «Страх» исследователь относит к «рождественской» словесности именно по основному мотиву [Ср.: 4]. Однако он утверждает, что «термины "святочный" и "рождественский" строго не различались и были взаимозаменяемыми» [5, 12]. С этим не соглашается Т.Н. Козина, которая в своей работе разделяет жанры и выявляет особенности

каждого из них, утверждая, что истоки «рождественского» рассказа лежат в христианском мировоззрении, а «святочные» рассказы происходят от русского фольклора [6]. Мы поддерживаем эту точку зрения, как и то, что в «рождественском» рассказе главное – чудо, приходящее к верующему человеку, а в «святочном» – страшные события.

Думается, Чехов хорошо понимал жанровую специфику и не зря назвал «Страх» «рождественским» рассказом. Несомненно, мотив страха, его воздействия на человека прослеживается очень четко. Но каково происхождение страха и есть ли пути его преодоления, встречаются ли «рождественские» аллюзии, помимо страха?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся непосредственно к тексту. Основными героями рассказа являются Дмитрий Петрович Силин, его жена Мария Сергеевна и рассказчик; второстепенный, но значимый образ – Гаврила Северов. Главный герой – «умный, добрый, нескучный и искренний человек» [14, 127], который получил хорошее образование, имеет усадьбу, семью и, как кажется, прекрасную жизнь. Но рассказчик замечает, что видит в нем «замученного человека». Позднее сам Силин признается, что «болен боязнью жизни» [14, 131]. Силин доверительно рассказывает своему, как он сам считает, другу, что вся жизнь его пропитана страхом, он боится «обыденщины», людей, самого себя и своих несправедливых поступков. Монолог Силина – это, с одной стороны, признание в собственной отчужденности от жизни и беспомощности, отсутствии смысла, но, с другой стороны, это своеобразная проповедь от противного. Слова героя раскрывают низменность и грешность так называемого дворянского общества: «условия жизни и воспитание заключили меня в тесный круг лжи, что вся моя жизнь есть не что иное, как ежедневная забота о том, чтобы обманывать себя и людей и не замечать этого, и мне страшно от мысли, что я до самой смерти не выберусь из этой лжи» [14, 131]. Он видит порочность жизни, но не знает, как из этого порочного круга выбраться. Он говорит, что обычным людям кажется, что они все понимают и все делают правильно, а он «растерял это "кажется"» [14, 131]. Силин призывает своего собеседника вдуматься в смысл жизни, увидеть ее глубину. Здесь стоит вспомнить, что фамилия *Силин* происходит от имени одного из христианских апостолов, Силы Коринфского, сподвижника апостола Павла. Апостол Сила проповедовал христианское вероучение в Антиохии и некоторых других землях, претерпел мучения и был заключен в тюрьму, но затем освобожден чудесным образом [9, 10]. Христианская аллюзия указывает на стремление главного героя к праведности, но он, в отличие от апостолов, не обладает верой, которая помогала бы стойко воспринимать жизнь и страдания. Неслучайно говорится, что вера – это отсутствие страха. В Евангелии от Матвея читаем слова Христа: «Что вы так боязливы, маловерные?» (Мф. 8: 26).

Несмотря на свои метания и страх жизни, Силин старается поступать правильно и справедливо. Так, он принимает на работу с испытательным сроком пьяницу Гаврилу Северова, тем самым являет «божескую милость». Кажется, что главный герой находится на полпути к обретению себя и глубокой веры, к которой, по замечаниям исследователей и современников шел и сам Чехов [3, 16]. Силин понимает неправильность жизни, но не осознает, где найти правильное направление, к которому стремится его душа. Он увидел бессмысленность кажущейся жизни, но не обрел понимания жизни глубокой и настоящей.

Рассказчик наблюдает, как, поделившись с «другом» своими страхами, Силин разговаривает весело и даже пытается строить планы на жизнь. Ему думается, что он преодолел свое отчуждение от всех, озвучив его причины близкому человеку. Однако, как показали дальнейшие события, это было иллюзией. Силин рассказал другу, что вернуться в Петербург и заняться наукой ему мешает семья – «главное несчастье и ... главный страх» [14, 131]. Как нам становится известно, жена героя, Мария Сергеевна, вышла за него замуж не по любви, возможно, из жалости, возможно, от *скуки*. Силин знал об этом, но все равно согласился и тем самым обрек себя на *жестокую пытку*.

Имя *Мария* означает «любимая, желанная», но также может трактоваться как «печальная, горькая» [8]. Именно печаль, горечь и страх привносит она в жизнь Силина,

свою собственную и рассказчика. Эта женщина не сдержала своего обещания, но она была изначально честна с мужем. С другой стороны, она согласилась жить с нелюбимым и принимать его чувства, за что была наказана любовью и страстью к рассказчику и расставанием с ним. Изначально Мария Сергеевна пыталась бороться с собой, стараясь не оставаться наедине с рассказчиком. Ее чувства искренни, она по-настоящему страдает и хочет уехать от мужа. Но она совершенно не задумывается о муже и детях, их чувствах и жизни, о правильности своих поступков. Она в итоге оказывается в ловушке обстоятельств и своего неправильного выбора, хоть и остается с семьей.

С образом Марии Сергеевны связан мотив *скуки* («мне всегда скучно» [14, 134]). Она повторяет, что рассказчику *скучно* без Силина, призывает его не *скучать* в ее обществе. С нашей точки зрения, скучная жизнь Марии Сергеевны связана с отсутствием перспективы перемены, цели, понимания смысла своего существования.

В христианстве *скука*, или *уныние*, обусловлено неверием и считается грехом. В Евангелии от Луки читаем: «должно всегда молиться и не унывать» (Лк.18: 1). Но Мария (как известно, одно из самых почитаемых женских имен в христианстве) далека от веры и даже от попыток наполнить свою жизнь смыслом. И ее любовь к рассказчику, «большая, серьезная любовь со слезами и клятвами» [14, 135-136], оказывается не более, чем мигмом наслаждения для него, без надежды и без будущего.

Конечно же, нельзя не обратиться к образу рассказчика, значимой фигуры в рассматриваемом любовном треугольнике. Мы не знаем его имени и биографии, автор не рисует его портрет. О его характере и мировоззрении мы можем судить лишь по его собственному изложению событий и ремаркам.

Рассказчик, несомненно, умен и склонен к саморефлексии, о чем говорят его размышления о дружбе с Силиным и чувствами к его жене. Он понимает неправильность своей страсти к Марии Сергеевне и довольно долго с ней борется (около полутора лет), стараясь оправдать доверие Силина и не разрушать семью. Рассказчик практичен и рационален, он не хочет глубоких чувств и привязанностей, а лишь удовольствия и спокойствия: дружба и любовь для него «что-то неудобное, тягостное» [14, 127]. Его образ двойствен. С одной стороны, он прагматичен и даже эгоистичен, что видно из его отношения к жизни: «Так не церемонься же с нею, ломай ее и, пока она тебя не задавила, бери все, что можно урвать от нее» [14, 135]. Но с другой, ему «жутко и страшно» [14, 137] от того, что он совершает. Рассказчик в итоге проникается страхом Силина перед жизнью и уже не понимает, почему все так произошло, ничего не понимает. Здесь мы наблюдаем утрату того самого «*кажется*», которое, по словам Дмитрия Петровича, позволяет *нормальным* людям жить спокойно. С нашей точки зрения, страх, обуявший рассказчика, – это момент не только поражения в схватке с жизнью, но и пробуждения к осознанию ее неправильности, размышлению об ее смысле. Однако мы не знаем, пойдет ли рассказчик дальше по этому пути.

Итак, страх встречается нам в названии рассказа, наполняет жизнь главного героя и передается рассказчику. Обратим внимание на символичность проникновения страшного в жизни людей. Женитьба и последующая *страшная* жизнь Силина связана с цифрой шесть. Именно на шестой раз согласилась Мария Сергеевна выйти за него замуж. *Шесть верст* было от села, где Силин открылся рассказчику, до дома.

Обратимся к христианской символике. «В шестой день творения Бог создал животных, живущих на земле, и человека, по образу и подобию Своему» (Быт 1, 24-31). В шестой же день, то есть в пятницу, и час был распят Христос: «Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестой. И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш!» (Ин. 19: 14). То есть цифра шесть связана как с сотворением человека, так и с его страданиями в мире. В рассказе эта аллюзия указывает на общечеловеческий характер страданий героев, расширяет их конкретные чувства до бытийных категорий. Жизнь, лишенная веры и смысла, *страшна и скучна*, она является мучением. Каждый, кто проходит свой жизненный путь, оказывается в какой-то степени *мучеником*.

Однако в рассказе есть человек, в прозвище которого есть прямая отсылка к мученичеству. Это Гаврила Северов, или Сорок Мучеников, которого мы уже упоминали. Мы знаем о его дворянском происхождении и падении вследствие пьянства, за которое он «должен дать ответ всемогущему богу» [14, 131]. То есть Гаврила понимает свою несправедность, но при этом несет ее как крест и готов за нее отвечать. Не зря Чехов использует говорящее имя (Гавриил – «сила Бога», «человек Божий», апостол Гавриил [1]) и прозвище (Сорок Мучеников – христианские святые, претерпевшие множество страданий за свою веру, но не отрекшиеся от нее [11]). Гаврила также страдает: «Ну, жизнь! – проговорил он. – Несчастливая, горькая жизнь!» [14, 135]. При этом продолжает верить: обещает поцеловать образ, крестится перед сном. Заметим, что он страдает, но не боится, в его речи ни разу не встречается указание на страх и что-либо, с ним связанное. Можно предположить, что это обусловлено именно его глубокой верой, пониманием своей греховности, восприятием земного пути как мученичества и готовностью ответить перед Богом.

Подводя итоги, можно сказать, что в рассказе мы наблюдаем мир людей, измельчавший, потерявший свою глубину и значимость, осознание высшего начала и необходимости обращения к нему («высь поднебесную») и от этого насквозь пропитанный скукой и страхом. Силин, человек добрый и хороший, понимает, что живет неправильно, но не может найти праведного пути, не опирается на свою внутреннюю *силу* и боится. Рассказчик, умом понимая низость своего поступка, убеждает себя, что может сломать жизнь, но сам оказывается сломан ею и тоже начинает испытывать страх. Лишь Гаврила Северов открыто признает трудность и горечь жизни, но продолжает по ней идти с верой в Бога, поэтому и не боится.

Противоположен мир природы, в котором церковь, стоящая «на краю деревни» [14, 130]. Вечерний пейзаж вовсе не кажется пугающим или зловещим, он умиротворен и гармоничен. Звучит песня, слышен звон колокола, даже «тени» будто молятся. Силина эта гармония мира подталкивает к откровенной беседе с другом (он уверен, что «дружбу посылает нам небо» [14, 131]), рассказчик тоже не видит угрозы в ночных тенях, а наоборот, жалеет, что не может «с ними говорить» [14, 131]. Мы наблюдаем, что Божий мир чист и умиротворен, а общество людей с их пороками страшно и дисгармонично. Эта идея была близка Чехову, он неоднократно делился ей с друзьями и озвучивал в произведениях (например, размышления Гурова в «Даме с собачкой»: «...если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве» [15, 134]).

Финал рассказа открыт, автор не говорит о дальнейшей судьбе героев, указывая лишь, что рассказчик уехал, а Силин продолжил жить с женой. Но здесь важен не финал, а создание у читателя ощущения зыбкости, страха и непонимания жизни, лишенной высшего смысла. Автор не осуждает своих героев, скорее он анализирует и воссоздает реальность, в которой они живут. А реальность эта страшна и туманна.

Вернемся к вопросу, почему Чехов отнес этот рассказ к «рождественской словесности». Думается, помимо доминантного мотива страха, на это повлияла наполненность текста христианскими аллюзиями, указание на слабость человека, сочувствие к нему. Здесь нет идеального героя и нет рождественского чуда как такового, но именно осознание неправильности настоящего и страх как пробуждение от иллюзий открывают возможность будущего.

1. Гавриил. URL: <https://www.analizfamilii.ru/Gavriil/proishozhdenie-imeni.html> (дата обращения: 28.08.2023).

2. Громов М.П. Книга о Чехове. М., 1989.

3. Дунаев М.М. Православие и русская литература. Т. III – Гл. 13. Антон Павлович Чехов (1860–1904). URL: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaya-literatura-tom-iii-chast-4-dunaev/16/> (дата обращения: 28.08.2023).

4. Евдокимова О.К. Доминантный концепт в рассказе А.П. Чехова «Страх» // Вестник ЧГПУ им. В.Я. Яковлева. Чувашская республика, 2020. № 4(109). С. 12–19.
5. Капустин Н.В. Рассказ А.П. Чехова «Страх»: жанровые метаморфозы и обортоны смысла // Вестник Ивановского государственного университета. Филология. Иваново, 2021. Вып. 2. С. 11–17.
6. Козина Т.Н. Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов // Известия Уральского Федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург, 2017. Т. 23. № 4(168). С. 137–144.
7. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М., 1982.
8. Мария. URL: <https://www.analizfamilii.ru/Mariya/proishozhdenie-imeni.html> (дата обращения: 28.08.2023).
9. Сила Коринфский. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-sila-korinfskij> (дата обращения: 28.08.2023).
10. Силин. URL: <https://www.analizfamilii.ru/Silin/proishozhdenie.html> (дата обращения: 28.08.2023).
11. Сорок мучеников. URL: <https://pravoslavie.ru/1661.html> (дата обращения: 28.08.2023).
12. Сулемина О.В., Бугакова Н.Б. «Страшно» в рассказах А.П. Чехова: исключение или обыденность? // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2(33). С. 44–48.
13. Чехов А.П. Письмо Ежову Н.М., 25 декабря 1892 г. Петербург // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., 1974–1983. Т. 5. Письма, Март 1892–1894. М., 1977. С. 145–146.
14. Чехов А.П. Страх: (Рассказ моего приятеля) // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. /АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., 1974–1982. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892–1894. М., 1977. С. 127–138.
15. Чехов А.П. Дама с собачкой // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: Т. 10. М., 1986.
16. Шмелев И.С. Творчество А.П. Чехова. URL: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/public/tvorchestvo-chehova.htm> (дата обращения: 28.08.2023).